
Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 т.
М., Правда, 1989;
Том 7, с. 79-108.
OCR: sad369 (г. Омск)

**Смоковница отмечает пупы
своя от ветра велика.**

Анк. VI, 13

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Под самое Рождество мы ехали на юг и, сидя в вагоне, рассуждали о тех современных вопросах, которые дают много материала для разговора и в то же время требуют скорого решения. Говорили о слабости русских характеров, о недостатке твёрдости в некоторых органах власти, о классицизме и о евреях. Более всего прилагали забот к тому, чтобы усилить власть и вывести в расход евреев, если невозможно их исправить и довести, по крайней мере, хотя до известной высоты нашего собственного нравственного уровня. Дело, однако, выходило не радостно: никто из нас не видал никаких средств распорядиться властью, или достигнуть того, чтобы все, рождённые в еврействе, опять вошли в утробы и снова родились совсем с иными натурами.

- А в самой вещи, - как это сделать?

- Да никак не сделаешь.

И мы безотрадно поникли головами.

Компания у нас была хорошая, - люди скромные и несомненно основательные.

Самым замечательным лицом в числе пассажиров, по всей справедливости, надо было считать одного отставного военного. Это был старик атлетического сложения. Чин его был неизвестен, потому что из всей боевой амуниции у него уцелела одна фуражка, а всё прочее было заменено вещами статского издания. Старик был беловолос, как Нестор, и крепок мышцами, как Сампсон, которого ещё не остригла Далила. В крупных чертах его смуглого лица преобладало твёрдое и определительное выражение и решимость. Без всякого сомнения это был характер положительный и притом - убеждённый практик. Такие люди не вздор в наше время, да и ни в какое иное время они не бывают вздором.

Старец всё делал умно, отчётливо и с соображением; он вошёл в вагон раньше всех других и потому выбрал себе наилучшее место, к которому искусно присоединил ещё два соседние места и твёрдо удержал их за собою посредством мастерской, очевидно заранее обдуманной, раскладки своих дорожных вещей. Он имел при себе целые три подушки очень больших размеров. Эти подушки сами по себе уже составляли добрый багаж на одно лицо, но они были так хорошо гарнированы, как будто каждая из них принадлежала отдельному пассажиру: одна из подушек была в синем кубовом ситце с жёлтыми незабудками, - такие чаще всего бывают у путников из сельского духовенства; другая - в красном кумаче, что в большом употреблении по купечеству, а третья - в толстом полосатом тике - это уже настоящая штабс-капитанская. Пассажир, очевидно, не искал ансамбля, а искал чего-то более существенного, - именно приспособительности к другим гораздо более серьёзным и существенным целям.

Три разношёрстные подушки могли кого угодно ввести в обман, что занятые ими места принадлежат трём разным лицам, а предусмотрительному путешественнику этого только и требовалось.

Кроме того, мастерски заделанные подушки имели не совсем одно то простое название, какое можно было придать им по первому на них взгляду. Подушка в полосатом тике была собственно чемодан и погребец и на этом основании она пользовалась преимущественным перед другими вниманием своего владельца. Он поместил её vis-a-vis перед собою, и как только поезд отвалил от амбаркадера, - тотчас же облегчил и поослабил её, расстегнув для того у